

А.З. КВАРИАНИ
«ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО»
И СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ ПОЛИТИКА ЕС:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Цель статьи – выявление и сравнительный анализ задач, которые обозначены в официальных документах программ, а также непосредственных намерений каждого из участников инициатив; сравнительный анализ регионов и развития программ. Объект исследования – реализация программ Европейского союза «Восточное партнерство» (ВП) и Средиземноморская политика.

В конце XX в., в условиях глобализации и нового направления развития международных отношений, на мировой арене появился новый игрок – Европейский союз. Как новому субъекту международной политики, ЕС было необходимо зарекомендовать себя и выстроить собственную линию внешней политики. Одним из уникальных проектов явилась так называемая Европейская политика соседства (ЕПС) – инициатива, целью которой стало выстраивание «правильных» отношений с государствами, находящимися на границах с ЕС. Программа разделена на три направления – север, восток и юг. Наиболее проблемными являются два последних, в рамках которых были созданы программы «Восточного партнерства» и Средиземноморского союза. Хотя политика соседства преследует общие цели на всех направлениях, подходы в каждом из них разнятся. Это связано с целым спектром различий: от географических и политических до исторических и культурных.

Чтобы составить более четкое представление о развитии соседских программ, первоначально следует провести анализ каждого из регионов.

Средиземноморский регион с древних времен представляет собой важный геополитический объект, выступая транспортной артерией между Европой, Азией и Африкой. В настоящее время Средиземноморье также является каналом транспортировки нефти. Регион при этом – нестабильная зона с большим количеством военных баз.

Однако в первую очередь Средиземноморье – сложная сеть огромного количества проливов и каналов, как крупных (Гибралтарский, Босфор, Суэцкий, Коринфский), так и небольших (Отранто, Мессинский, Мальтийский, Тунисский, Бонифачо и проч.). Каждый из проливов и каналов имеет особый международно-правовой статус.

С открытием углеводородных ресурсов Средиземноморье приобрело новый статус – регион добычи углеводородного сырья, а также транзитное пространство для его транспортировки. Страны Средиземноморья являются как экспортерами углеводородов (например, Алжир, Египет, Ливия, а по недавним данным и Израиль), так и добытчиками (Италия, Испания, Албания, Болгария и Румыния), при этом Европа является основным импортером нефти в регионе, в частности Германия и Франция. Однако в этом направлении не обходится без конфликтов. Так, например, после открытия крупных месторождений нефти и газа на шельфе Греции и Кипра Турция потребовала приостановить разработки в пользу своего участия. Также свои претензии уже заявил Египет. Еще одна острая проблема – новые месторождения в Израиле «Левиафан» и «Тамар», по поводу которых уже высказались тот же Египет и Ливан.

На сегодняшний день ситуация складывается следующим образом: Израиль выступил с инициативой строительства газопровода, направленного в Европу через Средиземноморские страны Кипр, Грецию и Италию [Израиль предложил... 2015]. Европа, в свою очередь, готова инвестировать в проект несколько миллиардов евро, поскольку он поможет избавиться от зависимости от «Газпрома».

Средиземноморье, после распада Советского Союза стало также пространством геополитических интересов постсоветских государств. Постсоветские страны страдают от серьезных внутренних проблем, их границы являются либо объектами претензий соседей, либо зонами этнических и религиозных конфликтов. Если первоначально Содружество Независимых Государств геополити-

чески преследовало одну важную цель – обеспечить мягкий передел пространства бывшего СССР, то сегодня оно представляет собой искусственное образование с весьма эфемерными структурами, тяготеющими к разным полюсам власти.

Через евразийское постсоветское пространство проходят важные транспортные пути, которые способны соединить промышленные районы Запада с удаленными районами Евразии, богатыми полезными ископаемыми. На постсоветском пространстве сосредоточены огромные запасы газа, нефти, золота, никеля и других цветных металлов. В Центральной Азии и бассейне Каспийского моря хранятся запасы природного газа и нефти, превосходящие месторождения Кувейта, Мексиканского залива и Северного моря. Поэтому вопрос о прокладке трубопроводов через Евразию является остроактуальным. Если основные транспортные артерии по-прежнему будут проходить через Россию, это еще больше укрепит политическую зависимость постсоветских государств от РФ. Напротив, трубопроводы, проложенные через Каспийское море к Азербайджану и далее к Средиземному морю через Турцию, или через Афганистан к Аравийскому морю, подорвут российскую монополию на доступ к богатствам Евразии.

Обратимся теперь непосредственно к программам ЕС, рассмотрим их становление и развитие.

Первым шагом на пути к формированию политики на южном направлении стал так называемый Барселонский процесс (или Евро-Средиземноморское партнерство), начатый в рамках Барселонской Евро-Средиземноморской учредительной конференции министров иностранных дел в Барселоне 27–28 ноября 1995 г. Барселонский процесс привел к налаживанию диалога между странами ЕС и Северной Африки, укреплению межгосударственного сотрудничества, которое до этого момента ограничивалось подписанием двусторонних соглашений между отдельными странами. Впоследствии Барселонский процесс привел к созданию Средиземноморского союза.

Считается, что автором проекта Средиземноморского союза является советник Н. Саркози А. Гэно, который впоследствии занял в правительстве Саркози пост специального советника при президенте республики. Целями проекта являлись продвижение Франции на ключевые позиции в диалоге со средиземноморскими государствами, не входящими в ЕС; технологическое развитие

североафриканских стран и прямой доступ Евросоюза к газовым месторождениям Северной Африки через газопровод, который в будущем сможет доставлять африканский природный газ в Европу.

Предполагалось, что в случае успеха проекта Франция могла бы стать лидером в средиземноморском регионе, а впоследствии и лидером ЕС, ключевой фигурой мировой политики, значительно укрепив свои геополитические позиции.

Одновременно развивалась программа «Восточное партнерство».

С инициативой создания программы интеграции стран СНГ изначально выступила Польша еще в период ее подготовки к вступлению в ЕС в 2002–2004 гг. Варшава претендовала на роль некоего «культурно-цивилизационного моста» в отношениях ЕС с Беларусью, Украиной и Молдовой. Географически польская инициатива тогда охватывала лишь эти три страны (с возможным привлечением ряда приграничных районов России, в первую очередь Калининградской области). Но уже в тот период велись разговоры о возможном подключении к инициативе в недалеком будущем и стран Закавказья [Сергунин, 2010, с. 205].

При этом в отношениях с Украиной, Беларусью, Молдовой Польша преследовала свои экономические интересы, а в отношениях с ЕС – политические. Принимая во внимание геополитические интересы Евросоюза в целом, Польша претендовала на роль «куратора» постсоветских государств Восточной Европы. Польские СМИ делали громкие заявления и прогнозы, говоря о том, что принятие программы «Восточное партнерство» – это огромный внешнеполитический успех Варшавы, благодаря которому удастся получить условный контроль над востоком Европы в обход России.

Инициатива по созданию «Восточного партнерства» была официально выдвинута на заседании Европейского совета 19–20 июня 2008 г. На этот раз инициатором ВП выступила не только Польша, но и Швеция. Эти страны предложили ЕС развивать интеграционные инициативы с рядом постсоветских стран. В программу ВП включались Грузия, Азербайджан, Украина, Молдавия, Белоруссия и Армения.

Франция осознавала, что необходимо сбалансировать позиции внутри Евросоюза и поэтому так активно лоббировала проекты на южном направлении.

Такое положение дел не устраивало Германию, для которой протезирование восточного направления являлось гораздо более приоритетным. Именно поэтому она вмешалась в данный проект, внося коррективы, которые предусматривали равное участие всех стран ЕС в диалоге со средиземноморскими партнерами. В результате поисков компромисса Европейская комиссия опубликовала документ, в котором содержалось обоснование необходимости новой политики и предложения по обновлению отношений со средиземноморскими партнерами.

Согласно документу [Third annual report... 2007], Барселонская декларация и взятые в 1995 г. сторонами обязательства явились фундаментом новой инициативы Союза для Средиземноморья. Политический диалог, экономическое сотрудничество, взаимодействие в культурной и гуманитарной сферах, а также добавленная к Барселонской декларации в 2005 г. IV глава, касающаяся вопросов миграции, социальной интеграции, правосудия и безопасности, оставались в силе. Далее Европейская комиссия подтвердила все ранее взятые на себя обязательства как в рамках двусторонних отношений со странами региона, так и в рамках Европейской политики добрососедства [Мохова, 2008].

С введением Европейской политики соседства в 2004 г. Барселонский процесс стал, по существу, многосторонней формой диалога и сотрудничества между ЕС и его средиземноморскими партнерами, в то время как дополнительные двусторонние отношения управлялись главным образом в рамках ЕПС и через соглашения об ассоциации, подписанные с каждой страной-партнером.

ЕС ведет диалог с каждым средиземноморским партнером, создавая программы экономической поддержки и реформирования в соответствии с характеристиками и потребностями каждой страны. Финансирование происходит в рамках Европейского инструмента соседства и партнерства (ЕИСП).

В 2005 г. на саммите в Барселоне был принят Евро-средиземноморский кодекс по борьбе с терроризмом, а также затрагивался вопрос о миграции в качестве одного из основных вопросов сотрудничества в рамках Партнерства.

С 1995 г. Европейская комиссия предоставила Барселонскому процессу поддержку в размере 16 млрд евро из бюджета Сообществ. Кредиты, полученные от Европейского инвестиционного банка, составляют около 2 млрд евро в год [Community budget, 2015].

Участниками ЕвроМеда («ЕuroMed») являются десять стран Южного и Восточного Средиземноморья: Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Марокко, Сирия, Тунис и Турция, а также Палестинская национальная администрация. Статус наблюдателей имеют Лига арабских государств, Союз арабского Магриба, Ливия, Албания и Мавритания.

Что касается инициативы на восточном направлении, в совместной декларации, выработанной в ходе Пражской встречи на высшем уровне 7 мая 2009 г., говорилось, что «главной целью “Восточного партнерства” является создание необходимых условий для ускорения политической и экономической интеграции между Европейским союзом и заинтересованными странами-партнерами» [Joint declaration..., p. 6].

Поставленных задач предполагалось добиться преимущественно путем экономического стимулирования, в том числе в рамках программ, созданных ЕС индивидуально для каждой страны. Также были обозначены четыре основные платформы преобразований и сотрудничества стран-партнеров с Евросоюзом.

- Демократия и стабильность (административные реформы, антикоррупционные меры, обучение управленческого аппарата, развитие институтов гражданского общества, свободных СМИ и проч.).

- Экономическая интеграция, создание зон свободной торговли (по мере успешного развития торгово-экономических связей и гармонизации законодательства с правовой базой ЕС).

- Энергетическая безопасность (меры по обеспечению надежного энергоснабжения как стран-партнеров, так и ЕС, энергосбережению и развитию источников возобновляемой энергии).

- Развитие контактов между людьми (либерализация визового режима при одновременном обеспечении мер по пресечению незаконной миграции) [Ibid., p. 6–11].

Финансирование мероприятий в рамках программы «Восточное партнерство» осуществляется из нескольких источников. Самые большие средства поступают из учреждения Европейский инструмент соседства и партнерства; они адресованы также всем остальным странам, расположенным по соседству с Европейским союзом. Почти 4 млрд евро из общего бюджета ЕИСП (12 млрд евро) было выделено на развитие сотрудничества с постсоветски-

ми соседями ЕС в период с 2007 по 2013 г. (из которых 1,9 млрд евро в 2010–2013 гг.).

В дополнение к вышеуказанным средствам при создании ВП Европейский союз выделил непосредственно на программу дополнительно 600 млн евро. Эта сумма включает около 250 млн евро, еще раньше выделенных на развитие регионального сотрудничества с постсоветскими соседями ЕС на 2010–2013 гг. в рамках Европейской политики соседства, а также 350 млн евро вливаний новых средств (которые также будут выделены из средств ЕИСП) [Частые вопросы... 2014, с. 1].

Сравнивая процесс создания обеих инициатив, стоит отметить, что несмотря на позиционирование Европейского союза как единого надгосударственного образования, внутри него сохраняется конкуренция за доминирование и возможность принимать решения.

Здесь стоит обратиться к преимуществам и недостаткам развития каждой из программ, а также их недеklarированным целям.

Инициатива на южном направлении, безусловно, является для ЕС плацдармом для развития экономических и торговых отношений, который Евросоюз укрепляет, продвигая внутрирегиональную интеграцию путем создания зоны свободной торговли. Так с января 2005 г. действует Большая арабская зона свободной торговли (GAFTA) [Ministry of trade... 2015]. В ее рамках Европа осуществляет либерализацию отношений со странами Средиземноморья, при этом не оставляя без внимания двухсторонние экономические контакты между странами-партнерами, чтобы создать благоприятную экономическую зону со своими южными соседями и ускорить сближение, а также наладить долгосрочные поставки энергоресурсов.

Значительные запасы нефти и газа, которые играют важную роль в топливно-энергетическом комплексе Европы, имеют для нее большое стратегическое значение. Общий объем импорта нефти и природного газа в Европу через Средиземное море составляет примерно 65% от потребляемых объемов. Тем не менее некоторые западные аналитики считают неправомерным ограничивать значимость североафриканского региона для Европы только этой причиной. По их мнению, создание Средиземноморского союза стало ступенью большого межцивилизационного процесса, предусмат-

ривающего превращение данного региона в фактический и реальный фрагмент цивилизации единой Европы [Алиев, 2011, с. 22].

Еще одним преимуществом Средиземноморского союза является безопасность южных границ ЕС. Эксперты утверждают, что Европейский союз уже к 2008 г. фактически создал вокруг своих границ буферную зону, которая обеспечивает, по крайней мере в декларативной форме, гарантию безопасности.

Наряду с преимуществами от реализации программы Евро-Мед, присутствуют и определенные проблемы, которые касаются как отношений ЕС с партнерами, так и внутрирегиональных отношений на севере Африки.

В первую очередь камнем преткновения стала конкуренция стран северной Африки за некое условное лидерство в рамках нового союза. Государства остро интересовались вопросами размещения штаб-квартир той или иной структуры союза, а также получения определенного статуса. Кроме того, арабские страны не устраивало участие Израиля в ЕвроМед: по их мнению, инициативу нельзя было использовать в качестве плацдарма для нормализации арабо-израильских отношений, что, соответственно, шло вразрез с одной из основных целей учредительного документа союза, а именно – достижения мира, безопасности и стабильности в регионе.

Еще одной проблемой являются цивилизационные и конфессиональные различия стран – участниц союза. ЕС пытается навязать североафриканским странам свои представления и ценности, но, как уже показал внешнеполитический опыт тех же Соединенных Штатов, западные идеалы далеки от представлений арабских народов, и даже если внедрить их насильно на уровне правительств, общество принять их не сможет.

Препятствием в этом вопросе является также и общее противостояние в рамках глобальной дихотомии «Север–Юг». Наглядным примером стали акценты в документах союза: если для ЕС актуальными долгосрочными целями являются охрана окружающей среды, развитие образования и науки, а также поиск альтернативных источников энергии, то для североафриканских стран-партнеров первоочередными являются задачи борьбы с безработицей и бедностью, радикальным исламом и обеспечение граждан продовольствием.

Еще одной проблемной зоной является миграция. В 1990-е годы приток иммигрантов в страны ЕС составлял до 1 млн человек

в год, но начиная с 2000 г. он увеличился до 2 млн, что было связано с расширением Евросоюза на восток. К 2050 г. численность трудоспособного населения в Европе снизится на 18%, а доля населения в возрасте старше 65 лет увеличится до 60% [Third annual report... 2007].

В основе миграции лежат проблемы бедности и безработицы, политические конфликты, нарушение прав человека, а также фактор географической близости. Североафриканские страны не только являются поставщиками мигрантов, но и выступают в качестве транзитных стран для мигрантов из континентальной Африки. ЕС, в связи со сложившейся ситуацией, решил ужесточить миграционный контроль, что в принципе противоречит Барселонской декларации и является еще одним примером того, что декларативная форма не всегда совпадает с реальными действиями.

Таким образом можно говорить о том, что изначально Барселонский процесс был нацелен на открытие новых рынков сбыта, поставки энергоресурсов, укрепление границ и усиление позиций европейских стран в североафриканском и ближневосточном регионах за счет налаживания контактов с соседями и помощи в развитии своего общества. Из заявленных целей приоритетными являлись торговля и энергетика, а интеграция и улучшение уровня жизни партнеров были на втором плане.

Такое положение дел вынудило ЕС принять новую программу создания Средиземноморского союза. По сути, новый подход не сильно изменил характер отношений, сохранив нацеленность европейских стран на реализацию своих собственных стратегических и экономических интересов, и очень часто за счет интересов стран-партнеров из Северной Африки. Из-за большого количества проблем между отдельными странами, союз так и не смог стать однородным блоком. Не удалось достигнуть и в торговой сфере – была создана Арабская зона свободной торговли, которая объединила лишь небольшую часть стран-партнеров. В конечном итоге регион за прошедшие годы не только не стал стабильным, но превратился в источник крупных военных конфликтов в рамках так называемой «арабской весны».

Учитывая неоднородность союза, тяготение не к единому союзному объединению, а к двусторонним отношениям, конфликты как внутригосударственные («арабская весна»), так и межгосударственные (арабо-израильский конфликт), необходимо отметить,

что вектор дальнейшего выстраивания отношений на южном направлении ЕС вряд ли кардинально изменится. В силу вышеперечисленных факторов, а также из-за сильного культурного и профессионального развития в перспективе инициатива может держаться лишь на экономической составляющей (а именно на обеспечении доступа к поставкам углеводородного сырья), которая в целом и является основным приоритетом европейской политики. В будущем, вероятно, будут скорректированы некоторые аспекты партнерства, например, больший акцент будет сделан на политический диалог и демократические преобразования, а также привлечение стран-партнеров к более активному участию в реализации программ и проектов, с тем, чтобы переложить часть ответственности за свое развитие на эти страны [Трофимова, 2011, с. 119].

Рассмотрим развитие программы со стороны стран – партнеров ЕС на восточном направлении.

Четыре страны (Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова) входят в ГУАМ, объединение, участники которого сталкиваются с сильными сепаратистскими вызовами. Эти страны на официальном уровне выбрали курс на сближение с НАТО и ЕС. Киев и Тбилиси, помимо интереса в получении европейской финансово-экономической и технической помощи, активно разыгрывали антироссийскую карту, как раз в период запуска инициативы, по всему геополитическому спектру с целью завоевать право быстрой интеграции в евроатлантические структуры. У обеих стран были особые поводы для ведения подобной политики. Война Грузии с РФ, после которой Россия подверглась критике со стороны западных стран, стала, как отмечалось выше, одним из катализаторов в создании «Восточного партнерства». На Украине после «цветной революции» 2004 г. усилились антироссийские настроения, пропагандируемые властной верхушкой и «подогретые» так называемой «газовой войной». Это стало еще одним стимулом для разработки программы ВП.

Азербайджан, которому до этого удавалось балансировать между Россией и СНГ с одной стороны, и ЕС и НАТО – с другой, в случае с ВП также оказался в сложном положении. Азербайджану не хотелось упустить выгоды, извлекаемые из сотрудничества с Россией и СНГ. Однако в то же время Баку надеялся на то, что сближение с ЕС позволит решить карабахскую проблему и разви-

вать в регионе транспортную, в том числе трубопроводную инфраструктуру на выгодных для Азербайджана условиях.

Молдавские лидеры не раз откровенно объясняли, что Кишинев ждет от ВП отмены визового режима для молдавских граждан, скорейшего заключения нового экономического договора, позволяющего осуществлять неограниченный экспорт молдавской продукции в страны ЕС.

А вот Белоруссия и Армения не демонстрировали своей последовательной приверженности ЕС. Оба государства являются давними стратегическими партнерами России и не стремятся испортить с ней отношения. Беларусь – член Союзного государства с Россией; она активно участвовала в интеграционных процессах в рамках Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), ЕврАзЭС, позднее в рамках Таможенного союза (ТС), Евразийского экономического пространства (ЕЭП). Армения участвовала в ОДКБ и ЕврАзЭС. Однако руководство этих стран периодически посматривало на Запад, рассчитывая с помощью балансирования между ЕС и Россией добиться максимальной реализации своих национальных интересов.

По истечении пяти лет общая картина изменилась. С одной стороны, Украина вышла из Евразийского экономического пространства. В 2014 г. ситуация на Украине резко обострилась. На Вильнюсском саммите ЕС в ноябре 2013 г. президент Украины В.Ф. Янукович отложил подписание соглашений об ассоциации с Евросоюзом, что привело к активизации протестных настроений. По сути, с апреля 2014 г. в стране началась гражданская война, которая, по нашему мнению, в немалой степени спровоцирована извне в целях продвижения интересов США, ЕС и прежде всего таких государств, как Польша и Литва. Противостояние с Россией достигло значительного накала. Очевидно, что и для ЕС, и для России Украина – это не только «энергетический» партнер, но и важный геополитический сосед. В этом плане интересы ЕС и России могут показаться симметричными – украинская территория пролегает как раз между ЕС и Россией, и вовлечение Украины в ассоциацию одной из сторон несет существенные риски для другой.

Однако в действительности мы имеем дело с асимметрией интересов. Необходимо принимать во внимание, что Россия, даже на период углубления кризиса 2014 г., была связана с Украиной значительно большей сетью экономических, военно-политических,

культурных, языковых, семейных связей, чем ЕС. Она располагала военно-морской базой в Крыму. Между Россией и Украиной – протяженная граница более 2 тыс. км., проходящая порой прямо через населенные пункты. Причем эта граница не демаркирована. Многие предприятия Юга и Востока Украины включены в тесную хозяйственную кооперацию с Россией, а также с другими странами СНГ. Поэтому риски России, как и Украины, были более существенными, с учетом норм о европейских стандартах, чем у ЕС. В свою очередь, возможность вступления Украины в ТС, возвращение ее в ЕЭП означало бы для Евросоюза и Америки значительное ослабление их влияния на Украину.

Выбор Украины оказывался судьбоносным и для России, и для Украины. И ассоциация с ЕС (через ВП), без предварительной проработки в трехстороннем формате (Россия, Украина, ЕС) многих правовых и экономических вопросов, означала «разрезание по живому», болезненный разрыв многих экономических связей, на что неоднократно указывала Россия и к чему упорно не прислушивался ЕС. Справедлив вывод российских политологов, что «по мере реализации программы набирал силу ее конфликтогенный потенциал, проявляющийся, в частности, в намеренном (подчас сугубо идеологизированном) противопоставлении интеграционных платформ “Восточного партнерства” и Евразийского союза» [Пономарева, Шишелина, 2014, с. 5].

Ситуация усугубилась с появлением крайне националистических оппозиционных движений на Украине, обозначающих культурный разрыв с Россией. Эта идеология, под давлением вооруженных формирований, была принята и новым руководством Украины, пришедшим к власти в результате антиконституционного переворота в феврале 2014 г.

В конечном счете в 1914 г. не выиграл никто, кроме, пожалуй, США. ЕС, не прислушавшись к доводам России, частично принял на себя ответственность за платежеспособность преддефолтной Украины, пошел на моральные и гуманитарно-правовые издержки, закрывая глаза на антиконституционный переворот в Киеве, преступления в Одессе, Мариуполе и в Донбассе в целом. Россия попала под экономические санкции со стороны ЕС, США, некоторых других стран, имевшие явную политическую мотивацию, вынуждена была принять около 1 млн беженцев с Украины. С учетом трудовой миграции в России находилось около 2,5 млн жителей

Украины, пребывавших в сложном положении, поскольку трудовые мигранты не всегда могли возвратиться на родину. Но России удалось разрешить проблему Черноморского военного флота и помочь своим соотечественникам, ориентированным на Россию, вернув в свой состав Крым.

Власти Украины в известной мере потеряли контроль над внутренней политикой, в результате чего страна лишилась Крыма, была втянута в войну в Донбассе с многочисленными жертвами и разрушением инфраструктуры. Правда, Соглашение об ассоциации Украины с ЕС было подписано без активации положений о свободной торговле (вступление в силу «заморожено» до 1 января 2016 г.), что сохраняло некоторую свободу маневра для Украины.

Что касается остальных государств – членов партнерства, то на саммите в Брюсселе 27 июня 2014 г. Грузия и Молдавия подписали с Евросоюзом соглашение об ассоциации, предусматривающее вхождение в зону свободной торговли ЕС. Соглашение также предусматривает усиление сотрудничества в различных сферах, приведение национального законодательства в соответствие с европейским, доступ страны к европейскому рынку. Население встретило Соглашение неоднозначно: Гагаузия и Приднестровье ориентируются на ассоциацию с ТС, да и жители остальной части Молдавии активно выезжают работать в Россию.

С Азербайджаном у Европейского союза подписано соглашение об упрощении визового режима, переговоры заняли около двух лет: в период с февраля 2012 г. по июль 2013 г. состоялось четыре официальных раунда обсуждений в Баку и Брюсселе. В итоге подписание соглашения состоялось в ноябре прошлого года в Вильнюсе, в рамках саммита «Восточного партнерства». С 1 сентября 2014 г. соглашение вступило в силу и оно значительно сократило список необходимых документов, расширило возможности получения многократных виз, а также снизило их стоимость.

Что касается двух оставшихся государств – Армении и Беларуси, то они считаются аутсайдерами в рамках ВП. Обе страны больше заинтересованы в крепких стабильных отношениях с Россией, нежели в привилегиях от партнерства с ЕС. К тому же бесменного лидера Белоруссии Президента А.Г. Лукашенко давно окрестили в Европе «последним диктатором», поэтому очевидно, что диалог с ним дается нелегко. Но Беларусь и А.Г. Лукашенко повысили свой международный авторитет за счет гибкой и в то же

время принципиальной политики в ситуации с Украиной. С одной стороны, Беларусь организовала переговоры России, ЕС и Украины в Минске, способствуя заключению Минских соглашений о перемирии в Донбассе. С другой – взяла на себя (в связи с отказом Украины) полномочия председательства в СНГ в 2014 г., успешно провела саммит глав государств СНГ, ЕврАзЭС, ТС (октябрь 2014 г.).

Резюмируя последние события в рамках программы ВП, можно сказать, что многие из целей ЕС достиг только частично. По сути, изначально программа была создана под знаком «руки помощи» (некой благотворительной акции) для бывших советских республик, которая подразумевала выстраивание добрососедских отношений с ними. И основная часть государств – членов партнерства и участников программы ВП восприняла инициативу как шанс «жить лучше и по-европейски». По сути, государствам, особенно небольшим, зажатым между геополитическими гигантами, так или иначе приходится выбирать себе «старшего брата», поэтому для них ВП обещало определенные выгоды.

По нашему мнению, ЕС добилась части своих целей, устанавливая правила для Грузии и Молдавии. Относительно Украины успех ЕС, как мы отмечали выше, неоднозначен [5]. Если в целом сравнить цели ЕС и результаты, которых удалось достичь партнерам за пять лет, то три государства – партнера ЕС пока подписали соглашения об ассоциации с ЕС и ратифицировали их. ЕС обзавелся как минимум тремя явно тяготеющими к нему партнерами, устанавливая на их территории свои правила и стандарты. Азербайджан не пошел пока на подписание подобного соглашения, оставляя за собой выбор между ТС и ЕС.

Но при этом даже такое государство, как Украина, обладающее значительными ресурсами и обширной геополитически значимой территорией, поставленное перед судьбоносным выбором, лишилось своей территориальной целостности, ослабило свой государственный суверенитет, попало в преддефолтное состояние, потеряло возможности получать выгоды от интеграции в СНГ и ЕЭП, которые оно исправно получало ранее. Пока не ясно, удастся ли компенсировать эти потери, хотя ЕС и декларировал односторонние (в пользу Украины) уступки в области таможенных тарифов и пошлин. Украина продемонстрировала всему миру свою всестороннюю зависимость от России, которая может быть компенсирована с большим трудом. Сложная ситуация и в других го-

сударствах-подписантах, не обладающих такими ресурсами, как Украина (Молдавия и Грузия). Пойдет ли им на пользу наличие геополитически привлекательной территории и сговорчивость их правительств? Тем более они вряд ли смогут претендовать на те уступки, которые удавалось вытребовать Украине от России и ЕС.

Подводя итоги, можно отметить, что сама программа ВП перешла в стадию вялотекущей реализации, так как в новых обстоятельствах, при сильном разрушении экономики Украины имеющегося финансирования программы уже недостаточно. Экономический кризис пришелся как раз на рождение инициативы ВП, и чем дальше, тем яснее становилось, что движение в реализации заявленных целей для партнеров ВП замедлится. Вдобавок кризис на Украине обозначил серьезные политические риски и значительное убыточное пространство реализации целей новых ассоциированных стран и самого ЕС. Армения присоединяется к ТС. Азербайджан выжидает.

В то же время, по нашему мнению, ВП в обозначившихся рамках все же имеет перспективу, привлекательность ЕС еще сохраняется. Влияет такой фактор, как приостановка принятия новых членов в ЕС. А удерживать постсоветские стратегически важные страны под контролем ЕС необходимо. Удобно сохранять отношения в рамках ВП, обещающего европейские привилегии, вплоть до возможного принятия в ЕС (без конкретных временных рамок). ЕС будет выискивать средства для финансирования ВП в надежде начать получать свои дивиденды. Разумеется, перспективы ВП зависят и от прочности самого ЕС, сбалансированности его связей, преодоления экономического кризиса, сохранения в его рядах Великобритании. Одной из «лакумусовых бумажек» станет развитие Украины в рамках ассоциации с ЕС.

Подводя итог сравнению программ «Восточного партнерства» и Средиземноморского союза, стоит отметить следующие сходства и различия:

1. Обе инициативы направлены на сопоставимо значимые регионы, которые являются не только географически масштабными, обладающими стратегическими транспортными путями, но также содержат внушительные запасы углеводородного сырья, что, по мнению многих экспертов, является одним из ключевых факторов борьбы за сферы влияния. Кроме того, обе инициативы предполагают использование похожих инструментов для развития программы и сходятся в ключевых аспектах, таких как выстраивание

экономических отношений, либерализация визового режима, решение проблем безопасности, политические и культурные диалоги и проч. Здесь же стоит отметить вялотекущую реализацию декларативных целей программ, к примеру, либерализация визового режима происходит с трудом и только в отдельных странах, не говоря уже об обещанной возможности вступления в члены ЕС.

2. Основным различием, пожалуй, является характер партнерских отношений. Если восточные соседи в своей основной массе тяготеют к «старшему брату» в лице ЕС, то с североафриканскими странами приходится выстраивать более ограниченные и односторонние отношения (закрывающиеся в основном в экономическом аспекте). Таким образом, с восточной стороны выстраиваются более надежные отношения. Кроме того, сказываются культурные и конфессиональные различия: как уже упоминалось ранее, в арабских странах «плохо действуют» европейские демократические ценности. Отсюда следует, что и дальнейшее развитие программ выглядит по-разному: на востоке будет продолжаться экспансия «европейской мечты», начавшаяся на Украине; на юге будут прикладываться усилия для создания какой-либо стабильности и безопасности.

Список литературы

- Алиев О.* Палка о двух концах: Какая роль в «арабской весне» принадлежит проектам Средиземноморский союз и Средиземноморский диалог? // *Region plus*. – 2011. – № 14.
- Байков А.А.* Геополитика американских военных баз // *Национальная безопасность*. – 2011. – № 1–2. – С. 32–37.
- Военные базы РФ за границей. Справка // *РИА Новости*. – 2010. – 15 февраля. – Режим доступа: <http://ria.ru/spravka/20100215/209344182.html> (Дата посещения: 08.09.2015.)
- Израиль предложил построить мощный газопровод для снабжения газом стран ЕС / *Гордон – GordonUA.com*. – 2014. – 22 ноября. – Режим доступа: <http://gordonua.com/news/money/Izrail-predlozhil-postroit-moshchnyy-gazoprovod-dlya-snabzheniya-gazom-stran-ES-52591.html> (Дата посещения: 20.08.2015.)
- Мальцева Ю.* Страны Магриба в региональной и мировой политике. – М., 1994. – 228 с.
- Международное право: Учебник для вузов / Отв. ред. проф. Г.В. Игнатенко, проф. О.И. Тиунов. – М.: Норма-инфра, 1999. – 584 с.

- Мохова И.М.* Французская инициатива Средиземноморского Союза / Институт Ближнего Востока. – М., 2008. – 27 августа. – Режим доступа: <http://iimes.ru/rus/stat/2008/27-08-08b.htm> (Дата посещения: 29.08.2015.)
- Пономарева Е., Шишелина Л.* Председательство Латвии в ЕС-2015: «Восточное партнерство»: вместо или вместе с Россией: Аналитический доклад / Под ред. Гаман-Голутвиной О. – М.: РАПН, 2014. – 92 с.
- Сергунин А.А.* Восточное партнерство: Вызов российской дипломатии в Восточной Европе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и международные коммуникации». – 2010. – № 1. – С. 205–210.
- Соловьев В. Иванов В.* Военно-базовая удавка // Независимая газета. – 2004. – 23 января. – Режим доступа: http://nvo.ng.ru/nvo/2004-01-23/8_bases.html (Дата посещения: 20.11.14.)
- Справочная информация: Международно-правовой режим Средиземного моря / Центр морского права. – 1999. – 29 ноября. – Режим доступа: http://www.sea-law.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=126&Itemid=76 (Дата посещения: 20.11.2014.)
- Трофимова О.Е.* Эволюция средиземноморской политики Евросоюза: Путь от сотрудничества к интеграции. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – 122 с. – Режим доступа: http://www.mgimo.ru/files2/y11_2013/243404/12.5.2_trofimova_2011.pdf (Дата посещения: 29.09.2015.)
- Частые вопросы о Восточном партнерстве // East book. – 2015. – Режим доступа: <http://eastbook.eu/ru/eap-faq-ru/#eight> (Дата посещения: 20.09.2014.)
- Экс-президент Чехии Вацлав Клаус: Запад и США спровоцировали на Украине неразрешимый конфликт // Вечерняя Москва. – 2014. – 23 апреля. – Режим доступа: <http://vm.ru/news/2014/04/23/eks-prezident-chehii-vatslav-klaus-zapad-i-ssha-sprovotsirovali-na-ukraine-nerazreshimij-konflikt-245612.html> (Дата посещения: 21.10.2014.)
- Bicchi F.* The Union for Mediterranean or the changing context of Euro-Mediterranean relations // Mediterranean politics. – 2011. – Vol. 16, N 1. – P. 3–19.
- Communication from the Commission of the European Parliament and the Council. Barcelonaprocess: Union for the Mediterranean. Commission of the European Communities. (20/05/08 COM (2008) 319) // EUR Lex. Access to European law. – Brussels, 2008. – Mode of access: <http://www.cremo.edu.gr/Union%20for%20the%20Mediterranean%20Barcelona%20Process.pdf> (Дата посещения: 12.08.2015.)
- Community budget // European Union. External action. – 2009. – Mode of access: http://eeas.europa.eu/euromed/docs/meda_figures_en.pdf (Дата посещения: 18.08.2015.)
- Vademecum on financing the frame of the Eastern partnership // European Union. External action. – 2010. – 24 September. – Mode of access: http://eeas.europa.eu/eastern/docs/eap_vademecum_en.pdf (Дата посещения: 18.08.2015.)
- GAFTA // Trade agreements sector. Ministry of trade and industry. – 2005. – Mode of access: <http://www.tas.gov.eg/English/Trade%20Agreements/Countries%20and%20Regions/Middle%20East%20and%20North%20Africa/gafta> (Дата посещения: 18.08.2015.)
- Joint declaration of the Prague Eastern partnership summit, 7 May, 2009 / Council of the European Union. – Brussels. – 2009. – 7 May. – Mode of access: <http://>

www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/107589.pdf (Дата посещения: 02.09.2015.)

Manners I. As you like it: European Union normative power in the European neighbourhood policy // Proof. – 2009. – 31 December. – P. 29–50. – Mode of access: http://rudar.ruc.dk/bitstream/1800/8902/1/Ian_Manners_As_You_Like_It_European_Union_Normative_Power_in_the_European_Neighbourhood_Policy_Whitman_and_Wolff_2010_proof.pdf (Дата посещения: 21.09.2015.)

Third annual report on immigration and integration. Commission of European Communities / European Commission. – Brussels, 2007. – 11 September. – Mode of access: http://ec.europa.eu/home-affairs/policies/immigration/docs/com_2007_512_en.pdf (Дата посещения: 09.08.2015.)